УДК 322

Роман Лункин

Сергей Филатов

ИСЛАМ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: НАЦИОНАЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И РАДИКАЛИЗМ

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности исторического развития и современного состояния российского ислама в Европейской части России, прежде всего, в Поволжье и на Северном Кавказе. Проанализировано становление религиозных организаций, объединяющих мусульман, в советский и постсоветский период. Дана характеристика мусульманских направлений и централизованных организаций на базе социологических исследований, основанных на социально-антропологическом подходе и методе развёрнутых интервью. Сделан вывод о расширении отношений между исламскими организациями и органами власти, а также о возрождении исламского образования как фундамента существования традиционного ислама в демократическом обществе.

Ключевые слова: Ислам в России, ислам в Европе, традиционный ислам, религиозная политика, религиозные институты, Поволжье, Северный Кавказ.

Большинство населения КБР (около $\frac{3}{4}$) составляют кабардинцы, балкарцы и другие традиционно мусульманские народы. Рядом с мусульманами сосуществует многочисленная христианская община, представленная православными, протестантами и микроскопической, но заметной в общественной жизни католической общиной. Русских и других традиционно христианских народов около 200 тыс. – $\frac{1}{4}$ населения республики.

Для кабардинцев и балкарцев характерно позднее и сравнительно поверхностное восприятие ислама. История религии этих двух народов связана с попеременным почитанием языческих, христианских и мусульманских традиций, каждая из которых оставила след в духовной и культурной жизни этих народов. При этом последние две религиозные системы часто мифологизируются и приобретают определённые черты языческих культов. Нахождение на одном урочище христианских и мусульманских памятников и совершение здесь же языческих обрядов для многих жителей Балкарии и Кабарды остаётся нормальным явлением¹.

© **Лункин Роман Николаевич** – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, зам. главного редактора журнала «Современная Европа». **Адрес:** РФ, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** romanlunkin@gmail.com

Филатов Сергей Борисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, руководитель проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России». **Адрес:** 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12. **E-mail:** sfilatov2006@yandex.ru

¹ Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. М., 1999. Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.

До сих пор в ущельях Кабарды можно увидеть сосны, увешанные разноцветными лентами – знак почитания местными жителями священной природы. В синкретичном сознании кабардинцев сохраняется поклонение «троице»: великому богу Тха, богу души Псатхэ, богу неба Уашхо. Имя бога Тха кабардинские предания связывают с Эльбрусом (Уэшхэ-махуэ – гора счастья). После проникновения в Кабарду ислама Эльбрус стали считать местом обитания Джина-падишаха, царя духов и властителя птиц, который обладает чудесным даром предугадывать будущее. Перед каждым новым годом многие кабардинцы считают своей обязанностью совершить своеобразный «хадж» – идти на поклонение к Джин-падишиху. Но так как до вершин Эльбруса добраться невозможно, то паломники обычно направляются к урочищу Татар-туп (татарский холм) на западном берегу Терека, на одной из стен которого когда-то были обнаружены изображения Богородицы и Иоанна Крестителя. Об удивительной живучести древних народных верований говорит, например, бытование такого обряда, как «Ханце-гуащэ» – вызывание дождя (во время засухи по селу носят лопату, наряженную в женское платье, в каждом доме её обливают водой и чем-либо одаривают). Синкретичное сознание кабардинского народа хорошо отражается в народной поговорке: «Лучше уважать всех богов, чем возносить молитвы одному, а других не помнить. Ведь остальным будет обидно».

Одной из главных национальных особенностей адыгов (в т.ч. кабардинцев) является наличие своеобразного этического кодекса – адыгэ хабзэ, который является сводом правил семейно-бытовой и хозяйственной жизни, а также рыцарским кодексом чести. Соблюдение кодекса чести и нравственных правил, им предписываемых, скреплялось клятвой именем языческого бога Тха.

По мнению некоторых современных кабардинских идеологов, адыгская этика является единственной истинной национальной религией адыгов, ниспосланной Богом, под которым подразумевается языческий Тха, христианский Бог и Аллах. По мнению современного общественного деятеля и учёного Баразби Бгажнокова, именно адыгская этика сделала кабардинский ислам более веротерпимым и культурным, создала слой мусульманской интеллигенции – аристократии Кабарды, уничтоженной полностью при советской власти. Бгажноков даёт адыгское определение ислама: «Мусульманство – это соблюдение принципов адыгской этики, сопровождающееся знанием Корана, исполнением исламских обрядов и ритуалов. В традиционном общественном мнении обладающий мусульманством – культурный, интеллигентный и благочестивый человек, входящий, благодаря этому, в элиту адыгского общества. Такие отношения с исламом обогащают адыгскую этику, снабжают её новым, ещё более богатым духовным содержанием. Адыгство становится высшей реальностью и конечной целью бытия. “Создатель на небесах и дарованное им адыгство на земле” – таков традиционный символ веры адыгского народа. С другой стороны, это создаёт почву для утверждения гуманистического ислама, в котором доминирует культура мира, согласия, взаимопонимания»¹. Понятие мусульманства, сконструированное как смысловое производное от адыгства, для значительной части кабардинцев предполагает соединение ислама и адыгэ хабзэ. Во многих случаях адыгэ хабзэ считается важнее шарията.

¹ Б.Х. Бгажноков. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 85.

У балкарского народа (тюрков по происхождению) также существует свой народный этикет – тауадэт (горный адат), который столь же тесно связан с исламом, как и у кабардинцев. Тауадэт с культом бога Тэнгри (аналог кабардинского Тха) в основном повторяет нормы адыгэ-хабзэ (многие исследователи полагают, что горный адат у балкарцев заимствован у кабардинцев).

Начавшееся в годы перестройки возрождение ислама постоянно находится в сложных отношениях с адыгэ-хабзэ. Эти отношения могут принимать и форму симбиоза, и жестокого взаимного конфликта. Одним из проявлений сложности этих отношений может служить идеология лидеров основной национальной организации кабардинцев – Адэгэ Хасэ (Черкесского конгресса). Среди них есть и сторонники мирного симбиоза и фактического равноправия адыгэ-хабзэ и ислама, первенства ислама, первенства адыгэ-хабзэ.

В 1980 г. в Кабардино-Балкарии было лишь две официальные действующие мечети – в Нальчике (центр Кабарды) и в Кызбуруне (на балкарской территории). Начиная с 1985 г. наблюдается постепенное увеличение числа мусульманских объединений. К концу 80-х гг. число мечетей увеличилось до 9. В 1989 г. Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСКД), существовавшее в советские времена, распалось на 7 самостоятельных республиканских духовных управлений. В 1990 г. в Нальчике состоялся 1-й съезд мусульман КБР. На нём было образовано Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарии. Основным кандидатом, которого поддерживали власти, национальные кабардинские организации и кабардинское духовенство был Шафик Пшихачев, единственный кабардинец, имевший хоть какое-то мусульманское образование и заканчивавший в то время учёбу в Сирии. Балкарцы выдвинули Шарафутдина Чочаева. Пшихачев взял самоотвод, по его предложению муфтием был избран репатриант из Иордании Мухамед Хуанж, а заместителем Чочаев. Через год, доучившись, Пшихачев возглавил муфтият. Чочаев остался заместителем с широкими полномочиями. Как раз в это время разгорелся конфликт между кабардинцами и балкарцами. Пшихачев сохранял в этом конфликте нейтралитет, к тому же подчёркивая роль Чочаева. В результате такой политики удалось избежать раскола муфтията на кабардинский и балкарский. С тех пор муфтий – всегда кабардинец, единственный заместитель муфтия – балкарец.

В 1992 г. президентом КБР был избран Валерий Коков. С этого момента сложилась прочная симфония муфтията с республиканской властью, несмотря на то, что в республике существовала влиятельная оппозиция Кокову. Пшихачев последовательно проводил политику возрождения ислама, как он её понимал: максимальное сотрудничество с властью, союз с Адэгэ Хасэ и другими общественными организациями. Всё это предполагало и идейный компромисс с адыгэ хабзэ, с общественным мнением.

Пшихачев выступал против введения норм шариата, считая, что их следует воспринимать «духовно», «символически». По выражению одного из руководителей ДУМ, «шариатское законодательство здесь никогда не получится. Нам шариат не нужен, если будешь к этому призывать, то обманешь народ. В Мекке даже бесплатно не буду жить». Суфийская традиция, по словам заместителя муфтия Тахира Азмурзаева, «является интеллектуальной традицией ислама, а суфизм имеет свои исторические корни в Кабарде. Суфийская традиция ещё почитается в селах среди стариков, в Кабарде – суфийские шейхи из Дагестана до революции

внесли в ислам особую философскую глубину».

В КБР с середины 1990-х гг. сформировалась легальная оппозиция руководству ДУМ, которую обычно называли «молодые мусульмане». Для них истинная вера – это чистый ислам, без примесей народных обычаев и суфийской традиции. Шариат является нормой мусульманской жизни, идеалом, который, по возможности, нужно достичь. Лидеры оппозиции в первые годы официально состояли в ДУМ. Неформальными лидерами оппозиции были имам-хатыб мечети в Вольном Ауле (около тысячи прихожан) – Муса Мукожев, ученик Ахмада-кади Ахтаева, одного из учителей умеренного ваххабизма и Анзор Астемиров, игравший роль главного идеолога движения. Муса Мукожев до 2000 г. был главой закрытого властями исламского центра, который занимался изучением арабского языка и чтением Корана. Оппозиционеры обвиняли ДУМ в губительной, по их мнению, для ислама в республике лояльности властям, в том, что руководство муфтията не отстаивает интересов мусульман перед властями, а его руководство не придерживается ортодоксального ислама. В начале 2000 г. от Мукожева откололись сторонники террористических действий братья Аслан и Руслан Беккаевы, к которым присоединилось около 300 радикальных ваххабитов. Беккаевы установили тесные связи с карачаевскими ваххабитами-террористами, которых возглавлял Хызыр Салпагаров. Объединение произошло в середине 2000 г. В качестве общей базы было выбрана заброшенная ферма на плато Бечасын на границе Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Грузии, где была оборудована военная база. Боевики Салпагарова и Беккаевых совершили ряд террористических актов на территории Северного Кавказа. В течение 2001 г. группировка Салпагарова-Беккаевых была разгромлена. Братья Беккаевы и ряд их сторонников бежали за границу. Другие были арестованы, погибли или скрылись в Чечне¹.

Убийство в мае 2001 в гор. Тырныаузе православного священника Игоря Розина балкарцем радикально мусульманских взглядов произвело сильное впечатление на общественность республики. Убийца был признан невменяемым по причине психического заболевания, но это не сняло возникшего напряжения.

Опасность «ваххабизма» и экстремизма в Кабардино-Балкарии власти и общественность связывали в 1990-е гг., в основном, с полулегальными общинами и подпольными группами, которые возникали спонтанно и в результате деятельности чеченских и ближневосточных проповедников «чистого ислама» и «священной войны» с «неверными» в России. По словам главы ДУМКБ муфтия Шафига Пшихачева, в республике «есть подпольные амиры, собирающиеся создавать халифат». «Это неформальные молодые люди, которые очень не любят слово “ваххабит”, но очень похожи на них». Наличие независимых исламских организаций вызывало беспокойство у муфтия. В декабре 2002 г. Шафиг Пшихачев, не выдержав давления со всех сторон, добровольно ушёл в отставку. Муфтият возглавил его родственник Анас Пшихачев, которому и пришлось лицом к лицу столкнуться с радикальной оппозицией.

В конце 1990-х гг. возникла оппозиционная структура – Джамаат Кабардино-Балкарии, которая в любой момент была готова заменить действующую административную систему

¹ Григорий Пунанов. «Ваххабитское подполье. Партизанский джихад против России продолжается». Известия, 13.05.2002.

официального муфтията. В его организации были те же управления, что и в администрации президента Кабардино-Балкарии. Джамаат Кабардино-Балкарии был создан имамом мечети селения Вольный Аул Мусой (Артуром) Мукожевым, который и стал его первым лидером (амиром). Джамаат имел чёткую структуру подчинения – лидер, его заместители (наибы), старшие групп, каждый из которых выполняет те или иные обязанности – руководство физической подготовкой рядовых членов Джамаата, религиозное обучение (чтение лекций и проповедей) и т.д. По данным правоохранительных органов, отделения Джамаата существовали практически во всех районах, объединяя до 10 тыс. человек.

Пиком роста экстремистско-террористической активности стали события середины нулевых годов. Первое из них – выявленный факт длительного пребывания лидера чеченских террористов Басаева в КБР, закончившегося осенью 2003 г. неудачной попыткой его задержания. В ответ на рост экстремизма со стороны властей приблизительно с 2000 г. усиливается политика преследования исламистов и ограничения деятельности мусульманских организаций.

Во второй половине 2003 – 2004 г. против руководителей и членов Джамаата КБР были предприняты активные силовые действия – массовые обыски, задержания – в связи с появившейся информацией о том, что на территории республики длительное время практически открыто находился командир чеченских банд Шамиль Басаев. Муфтий Анас Пшихачев с возмущением отмечал, что после 2000 г. контроль со стороны властей над жизнью мусульманских общин стал слишком жестоким.

Однако террористическая деятельность радикалов только набирала силы. После разгрома Кабардино-Балкарского Джамаата ведущая роль в ваххабитской оппозиции муфтияту и светским властям перешла к Джамаату «Ярмук». Его основой стали десять жителей Кабардино-Балкарии (в т.ч. Адамей Джаппуев) во главе с Муслимом Атаевым, возвратившиеся в 2002 г. в КБР из Грузии, где в Панкисском ущелье они примыкали к отряду чеченского полевого командира Руслана Гелаева.

После спецоперации в Нальчике в январе 2005 г., когда был убит лидер «Ярмука» Муслим Атаев, «Ярмук» был объявлен полностью уничтоженным. Однако впоследствии оказалось, что это не так. С 2005 г. «Ярмук» входил в состав Кавказского фронта – объединения диверсионно-террористических организаций, действующих на территории всего Северного Кавказа. Руководство «Ярмуком» перешло к Астемирову и Горчханову.

В 2005 г. Валерия Кокова на посту президента КБР сменил Арсен Каноков. Президент Каноков пошёл на некоторое смягчение религиозной политики. Власти пошли навстречу ДУМ КБР и дали ход некоторым мусульманским инициативам при условии жёсткого контроля со стороны правоохранительных органов. Ослабили жёсткие зачистки в мечетях. Возобновилось строительство исламского центра. Но в условиях непрекращающихся терактов у нового президента было узкое поле для маневра и попытки смягчить позицию исламистов не дали серьёзных результатов.

Радикальное исламское движение уже приобрело свою инерцию. В 2005 г. кабардинские исламисты совершили свою самую дерзкую и кровавую вылазку. Утром 13 октября 2005 г. несколько групп вооружённых исламистов совершили нападения на органы власти и право-

охранительные учреждения в разных районах г. Нальчика. Бои шли более суток, после чего последние очаги сопротивления мятежников были подавлены. В результате погибли 92 участника нападения, 12 мирных граждан и 35 представителей силовых структур. Нападением на Нальчик руководили Астемиров и Горчханов. В августе 2006 г. после ожесточённого боевого столкновения исламистов со спецслужбами в пригороде Нальчика начальник управления ФСБ РФ по КБР генерал-майор Сергей Ушаков сообщил, что в КБР продолжают действовать подпольные экстремистские организации Джамаат «Ярмук» и так называемая «Республиканская Шура», которые возглавляют лидеры бандподполья Анзор Астемиров и Мусса Мукожев, объявленные в федеральный розыск после нападения на Нальчик в октябре 2005 г.¹ В мае 2009 г. в перестрелке с милицией был убит Муса Мукожев. В марте 2010 г. лидер Джамаата Астемиров погиб в бою с бойцами правоохранительных органов.

Несмотря на потерю лидеров, исламистам удалось расправиться с муфтием КБР. 15 декабря 2010 г. Анас Пшихачев был убит в Нальчике. 15 марта 2011 г. на внеочередном съезде мусульман республики председателем Духовного Управления мусульман (муфтием) был избран Хазретали Дзасежев, который продолжил политику своего предшественника.

После гибели лидера Джамаата Астемирова в марте 2010 г. и почти одновременного уничтожения в КБР нескольких его ближайших соратников им на смену пришли новые исламисты, вместо «Ярмука» организовавшие Объединённый вилайят Кабарды и Карачая Имарата Кавказ. Фактически они находятся на «самофинансировании» – обложили «налогом на джихад» местных предпринимателей под угрозой расправы.

В феврале 2011 г. боевики сорвали курортный сезон в поселках Приэльбрусья, совершив ряд терактов, подорвав канатную дорогу в Эльбрусском районе и расстреляв там же спустя несколько дней группу туристов из Москвы. 26 января 2012 г. боевики ворвались в спортзал школы в центре Нальчика, где старший лейтенант ВВС Денис Николаев играл в волейбол с приятелями, и устроили над ним показательную казнь. По данным спецслужб, акцию провели члены подполья из числа остатков местного Джамаата «Ярмук». Жертвами террора, как в перечисленных двух случаях, иногда становятся русские, но большинство жертв – кабардинцы и балкарцы. Салафиты-террористы считают первоочередной задачей «исправление души» горцев. Местные полицейские, чиновники, «неправильные» имамы и представители светской интеллигенции – главные цели террора.

С тех пор в Кабардино-Балкарии регулярно происходили вооружённые вылазки террористов. Новых ярких лидеров, подобных Астемирову и Мукожеву у исламистов больше не появлялось. Силовики регулярно объявляли о ликвидации новых малоизвестных лидеров, но после этого спокойно не становилось. Республика находилась в состоянии вялотекущей гражданской войны. Ваххабитские настроения широко распространены среди учащихся средних школ, техникумов и вузов республики. По информации МВД и Центра «Э» активно поддерживали ИГИЛ и уехали воевать в Сирию от 100 до 200 человек. Неудовлетворённость федеральных властей неэффективностью борьбы с терроризмом привела к смене главы республики. В декабре 2013 г. главу республики Канокова сменил Юрий Коков, большую часть жизни про-

¹ Независимая газета, 14.08.2006.

работавший в правоохранительных органах. Это назначение привело к ужесточению политики по отношению к исламским экстремистам. К концу 2017 г. администрация Ю. Кокова добилась больших успехов. В 2016 г. КБР покинул и потом был ликвидирован Амир вилаята Кабарды, Балкарии и Карачая Имарата Кавказ Залим Шебзухов. В республике не осталось организованных форм радикального ислама – ни ИГИЛ, ни Имарата Кавказ.

Среди кабардинской и балкарской общественности и интеллигенции растёт страх за будущее своих народов и республики в целом. Люди боятся, что их земля превратится в арену полномасштабной кровавой войны, как это случилось в Чечне и Дагестане. В трудном положении оказались последовательные сторонники адыгэ-хабзэ. Наиболее видный и популярный среди них – этнограф, доктор филологических наук Арсен Ципинов, который занимался на практике восстановлением полного круга языческих праздников и древнекабардинского мировоззрения. Он заведовал отделом Черкесского фольклора в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований и читал лекции в Кабардино-Балкарском государственном университете. Ципинов проводил в Нальчике черкесские (адыгские) фольклорные праздники, пропагандировал традиционные черкесские ценности и противостоял исламизации общества. Его идеология включала в себя идеи открытости всеми миру, его духовным и культурным ценностям.

В конце нулевых годов деятельность Ципинова вызвала горячую полемику в нальчикских СМИ. Заголовки газет того времени: «Кто ведёт нас к язычеству?», «Кто не хочет, чтоб кабардинцы были мусульманами?». Взгляды Ципинова вызвали осуждения не только сторонников чистого ислама, но и многих традиционно мыслящих людей. Вообще отказаться от ислама – это слишком. 29 декабря 2010 г. Ципинов был убит боевиками. Вскоре после этого в интернете появилось заявление его убийц, в котором утверждалось, что Ципинов был врагом ислама и совращал исламскую молодёжь. В марте 2011 г. появилось официальное сообщение, что убийца учёного амир Ратмир Шамаев был ликвидирован силовиками. После убийства Ципинова, движение возрождения идентичной кабардинской духовности резко пошло на спад. Сторонники его взглядов прекратили или резко ослабили свою деятельность не только из соображений личной безопасности, но и в силу своей идеологии – превыше всего сохранение народа, которому угрожает межрелигиозное столкновение: лучше отступить, чем губить народ в кровавом конфликте.

Список литературы

Акманов. И.Г. Религиозная политика царского правительства в Башкортостане во второй половине XVI–XVIII вв. В: Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития. Оренбург, 2002 г. С. 401-405.

Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. – М.; СПб.: Летний сад. 2005. – 621 с.

Боташева С.К. Этноконфессиональное сознание и его проявления в духовной культуре (на примере религиозного синкретизма карачаевского этноса): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ставрополь, 2006. С. 84-100.

- Джуртубаев М.Ч. Духовная культура карачаево-балкарского народа. Нальчик, 1997.
- Джуртубаев М.Ч. Ездэн адет. Этический кодекс аманского (карачаево-балкарского) народа. Нальчик, 2001.
- Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. М., 1999. Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
- Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 85.
- Кратов Е.В. К проблеме формирования региональной государственно-церковной политики (на примере Карачаево-Черкесской Республики) // От политики государственного атеизма к свободе совести. М. 2000.
- Кратов Е.В. Религиозный фактор в социально-политических конфликтах (на примере Карачаево-Черкесской Республики) // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. М., 2001.
- Кратов Е.В., Кратова Н.В. Ислам в Карачаево-Черкесской Республике. Под ред. А.В. Малащенко. М.: Логос, 2008.
- Малащенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
- Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.
- Мухетдинов Д., Хабутдинов А. Крым: мусульманская община в контексте общего развития региона. Ислам в современном мире. – 2014. – №4(36). – С. 51-58.
- Мухетдинов Д. К вопросу о российском мусульманстве. Ислам в современном мире. – 2015. – Т. 11. №4. – С. 81-90.
- Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. I / Науч. ред. и сост. С.Б. Филатов. – М.: Летний сад, 2014. – 620 с.
- Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. II / науч. ред. С. Филатов. – М.; СПб.: Летний сад, 2016. – 510 с.
- Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт : [коллективная моногр.] / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки, Ин-т Европы Российской акад. наук, Центр по изучению проблем религии и о-ва ИЕ РАН ; под ред. А. А. Красикова и Р. Н. Лункина. – М. : ИЕ РАН, 2016. – 336 с.
- Хакимов Р. «Евроислам» в межцивилизационных отношениях, НГ-Религии от 23.10.1997.
- Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

References

- Akmanov I.G. Religioznaya politika tsarskogo pravitel'stva v Bashkortostane vo vtoroi polovine XVI–XVIII vv. V: Etnokonfessional'nyi dialog: sostoyanie, protivorechiya, perspektivy razvitiya. Orenburg, 2002 g. S. 401-405.
- Atlas sovremennoi religioznoi zhizni Rossii. T. 1. / Otv. red. M. Burdo, S. Filatov. – М.; СПб.: Letnii sad. 2005. – 621 s.
- Botasheva S.K. Etnokonfessional'noe soznanie i ego proyavleniya v dukhovnoi kul'ture (na primere religioznogo sinkretizma karachaevskogo etnosa) : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.13 Stavro-

pol', 2006. S. 84-100.

Dzhurtubaev M.Ch. Dukhovnaya kul'tura karachaevo-balkarskogo naroda. Nal'chik, 1997.

Dzhurtubaev M.Ch. Ezden adet. Eticheskii kodeks amanskogo (karachaevo-balkarskogo) naroda. Nal'chik, 2001.

Emel'yanova N.M. Musul'mane Kabardy. M., 1999. Malashenko A.V. Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoi Rossii. M., 1998.

Bgazhnokov B.Kh. Adygsкая etika. Nal'chik, 1999. S. 85.

Kratov E.V. K probleme formirovaniya regional'noi gosudarstvenno-tserkovnoi politiki (na primere Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki) // Ot politiki gosudarstvennogo ateizma k svobode sovesti. M. 2000.

Kratov E.V. Religiozniy faktor v sotsial'no-politicheskikh konfliktakh (na primere Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki) // Sotsial'no-politicheskaya situatsiya na Kavkaze: istoriya, sovremennost', perspektivy. M., 2001.

Kratov E.V., Kratova N.V. Islam v Karachaevo-Cherkesskoi Respublike. Pod red. A.V. Malashenko. M.: Logos, 2008.

Malashenko A.V. Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoi Rossii. M., 1998.

Malashenko A.V. Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza. M., 2001.

Mukhetdinov D., Khabutdinov A. Krym: musul'manskaya obshchina v kontekste obshchego razvitiya regiona. Islam v sovremennom mire. – 2014. – №4(36). – С. 51-58.

Mukhetdinov D. K voprosu o rossiiskom musul'manstve. Islam v sovremennom mire. – 2015. – T. 11. №4. – С. 81-90.

Religiozno-obshchestvennaya zhizn' rossiiskikh regionov. T. I / Nauch. red. i sost. S.B. Filatov. – M.: Letnii sad, 2014. – 620 s.

Religiozno-obshchestvennaya zhizn' rossiiskikh regionov. T. II / Nauch. red. S. Filatov. – M. ; SPb. : Letnii sad, 2016. – 510 s.

Religioznye missii na obshchestvennoi arene: rossiiskii i zarubezhnyi opyt : [kollektivnaya monogr.] / Federal'noe gos. byudzh. uchrezhdenie nauki, In-t Evropy Rossiiskoi akad. nauk, Tsentr po izucheniyu problem religii i o-va IE RAN ; pod red. A.A. Krasikova i R.N. Lunkina. – M. : IE RAN, 2016. – 336 s.

Khakimov R. «Evroislam» v mezhtsivilizatsionnykh otnosheniyakh, NG-Religii ot 23.10.1997.

Yunusova A.B. Islam v Bashkortostane. Ufa, 1999.

Islam in Karachaevo-Cherkessia: traditions and interethnic dialogue

Author. Lunkin R. Senior fellow in the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, the head of the Center for Religious Studies in the Institute of Europe, deputy editor-in-chief of the journal «Contemporary Europe». **Address:** 11-3 Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation. **E-mail:** romanlunkin@gmail.com; **Filatov S.** Candidate of Science (History), Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the project «Encyclopedia of religious life in Russia Today». **Address:** 12, Rozhdesvenka, Moscow, 107031. **E-mail:** sfilatov2006@yandex.ru.

Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2018, №1

Abstract. The article provides the comprehensive analysis of the main features of the historical progress and the contemporary conditions of the Russian Islam in the European part of Russian Federation, in a Volga region and Northern Caucasus. The authors analyzed the development of the religious organizations united the Muslims in the Soviet and post-Soviet periods. Characteristics are given to the general Muslim trends and movements and for the centralized bodies. The research based on a field sociological surveys in which authors were involved using the social anthropological approach and the method of in-depth interviews. Was made a conclusion that the relationship of the Muslim bodies and authorities became broader than earlier. The religious education is a fundamental element for the existing of traditional Islam in the democratic society.

Key words: Islam in Russia, Islam in Europe, traditional Islam, religious policy, religious institutes, Volga region, Northern Caucasus.